

Б.З. ДОКТОРОВ

ПОЛВЕКА В СОЦИОЛОГИИ:

АНДРЕЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЗДРАВОМЫСЛОВУ — 80 ЛЕТ

Недавно отпразднованные или приближающиеся 80-летние юбилеи ряда российских социологов дают дополнительный импульс для двух направлений историко-научных размышлений. Во-первых, появился серьезный повод для начала углубленного рассмотрения сделанного ими; во-вторых, становятся более отчетливыми предпосылки для изучения совокупного наследия первопроходцев. История так распорядилась, что отмечаемое в этом году 50-летие современной советской / российской социологии имеет для них особое значение: это полвека их деятельности как социологов.

Пройдет время, и будут обозначены индивидуальные вклады этих ученых в отечественную социологию. Речь пойдет о самом важном: о формировании новых исследовательских направлений и углублении теории науки, об освоении существовавшего и создании нового измерительного инструментария и публикации книг, которые давно признаны классикой, о подготовке кадров и формировании принципов профессиональной этики. А что сделано ими вместе как профессионально-поколенческой общностью? Ответ прост. На рубеже 1950-1960-х именно эта группа ученых помогла российской социологии родиться второй раз, а в начале 1990-х она же инициировала процесс соединения прошлого отечественной социологии с ее настоящим, именуемый возрождением российской социологии.

К этой небольшой по численности группе, в которой уже полвека все знают друг друга, принадлежит и Андрей Григорьевич Здравомыслов, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН¹.

Человек, чье кредо — социология

Два года назад А.Г. Здравомыслов озаглавил нашу с ним беседу о его жизни и работе: «Социология как жизненное кредо» [1]. Полное право заявить это приобретено им в процессе многодесятилетней деятельности исследователя, преподавателя и строителя нашего профессионального сообщества. Он признается одним из отцов-основателей современной российской социологии, для него всегда было важно, на каких философских принципах она базируется, каким образом развивается и на каких нравственных императивах строится.

В моей трудовой книжке записано: 12 февраля 1968 года — зачислен на должность ассистента кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы. За неделю до этого я познакомился со Здравомысловым — заведующим этой кафедрой. С тех пор прошло 40 лет. Бессмысленно думать о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы не эта встреча. Но ясно одно: она определила сферу моей профессиональной деятельности и во

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, США. **Электронный адрес:** bdoktorov@inbox.ru

¹ Адрес электронной почты: azdravom@yandex.ru

многим — круг людей, с которыми я общаюсь уже многие десятилетия. А ведь это и есть главное в жизни.

Я благодарен Здравомыслову за то, что в те далекие годы он, не навязывая мне своей позиции, просто дал возможность задуматься о социологии — тогда абсолютно новой, и не только для меня, исследовательской области — и постепенно узнавать людей, которые десятилетием раньше открыли эту науку для себя и начали внедрять ее в советское общественное сознание и политическую систему. С содержанием лекций, которые читал Здравомыслов в Партийной школе и которые я старался не пропускать, можно ознакомиться и сейчас: они легли в основу его книжки по методологии социологических исследований [2]. В этих лекциях для меня было много интересного, но еще важнее — их атмосфера: сегодня я могу сказать, что то были озвученные внутренние диалоги.

Диалогичность — антитеза монологу, нарративности — важная характеристика научного стиля Здравомыслова. Думаю, что изучение социальных кризисов и конфликтов [3-5] — не только его ответ на вызовы перестройки и последующих «социотрясений». В значительной степени эти исследования были обусловлены логикой его мышления, детерминирующей специфику социального анализа. Ведь конфликты в социальной системе — это результат отсутствия в ней диалога, и зачастую цель исследователя — найти причины разрушения баланса интересов и пути восстановления равновесной ситуации.

Диалогический склад мышления отражает особенности ранней социализации Здравомыслова, специфику полученного им образования в Ленинградском университете. Но в значительной мере — он наследственен. Отец А.Г. Здравомыслова был третьим человеком в роду, получившим высшее образование, причем, и отец, и дед были выпускниками Петербургского университета. Среди предков Здравомыслова были князья и дворяне, крестьяне, в том числе крепостные, военные, священнослужители и разночинцы — почти все российские сословия, а редкая фамилия, подчеркивающая особенности мышления ее носителей, восходит к его прадеду, получившему ее после окончания Новгородской духовной академии.

Ощущение себя как части русской интеллигенции обнаруживается в работах Здравомыслова, касающихся природы русскости и русского национального самосознания. Развивая релятивистскую концепцию нации, [6, с. 5-25; с. 188-193], он резко негативно относится к попыткам ряда российских ученых предложить «истинно» русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки и традиции русской интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считает, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не в проявлении высших сил [7, с. 4].

Много трагического принесла Здравомыслову война: жизнь в блокадном Ленинграде, голод, смерть родных и потеря друзей, тяжелейшая болезнь. Его отношение к немцам формировалось в идеологической и нравственной среде, проникнутой эренбургским: «Мы поняли: немцы не люди... Отныне слово “немец” разряжает ружье» и симоновским «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Как все подростки, он ненавидел немцев, даже отказывался изучать немецкий язык. Прошло шесть десятилетий, накопился опыт анализа сложных проблем культуры и политики, возникло новое понимание масштабов мира, и

родилась одна из лучших, на мой взгляд, книг Здравомыслова: это материалы серии интервью, проведенных им с немецкими интеллектуалами [8]. В ней немцы говорят о России и русских; для себя автор оставил скромную роль комментатора. Но, завершая ее чтение, понимаешь, насколько огромны возможности современной социологии в изучении сложнейших социальных проблем.

От второго рождения к возрождению

Было бы удивительным, если бы человек, стоявший у истоков постхрущевской советской / российской социологии, не попытался сформулировать свое понимание ее генезиса и проанализировать полувековую путь ее развития. В силу многих причин продвижение в прошлое нашей науки идет с большим трудом, но в сделанном заметен вклад А.Г. Здравомыслова [9–10].

Действительно, что произошло 50 лет назад, когда на волне политической «оттепели» в разных городах СССР начали проводиться прикладные социологические исследования и обсуждаться общетеоретические и инструментальные проблемы социологического познания? В настоящее время большинство специалистов вписывают эту социально-научную инновацию в общий полувековой процесс развития социологии в России и СССР и характеризуют его как этап возрождения советской / российской социологии.

Термин «Возрождение» традиционно используется для обозначения всеобъемлющего социокультурного процесса создания философии, науки и искусства, базировавшегося на идеалах антики и отторгавшего дух средневековья. Одной из его важнейших характеристик было стремление к *переосмыслению* наследия древних философов, ученых и мастеров искусства и использованию их достижений для построения новой картины мира. Рационально оформленное обращение к прошлому становилось импульсом для создания художественных произведений, науки и просвещения Нового времени.

Обращение к событиям конца 1950-х – начала 1960-х годов в СССР показывает, что в то время какой-либо осмысленной, обоснованной концепции построения социологии на *опыте* дореволюционной и ранней советской социологической науки у поколения социологов-шестидесятников не было. Более того, ее и не могло быть. И дело даже не в том, что они плохо представляли сделанное их предшественниками, но, прежде всего, потому, что подобного «архитектурного» замысла у них в принципе не могло быть из-за очевидных политико-идеологических обстоятельств той эпохи. Прошлое российской и советской социологии было закрыто от них, в частности, в силу особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию надо было бы обратиться. Многие из тех людей либо были уничтожены в конце 1930-х как «враги народа» (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), либо эмигрировали; одни еще были живы, например, П.А. Сорокин, другие — умерли. Первая статья о Сорокине в советской литературе, написанная И.А. Голосенко, опубликована в 1968 г. Имена покинувших Россию на «философском пароходе» или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки. Тогда же стали известны и работы Бухарина.

Таким образом, представляется, что термин «возрождение» применительно к рассматриваемому процессу имеет слишком неопределенное, неконкретизированное значение и его закрепление в историко-научоведческих исследованиях может стать основой мифов, ложной интерпретации генезиса, а значит и всего последующего развития современной отечественной социологии.

Изучение литературы и анализ значительного числа биографических интервью позволяет предложить иную версию, или модель, возникновения социологии в годы «оттепели». То было не возрождение, но *второе рождение*. Второе рождение, если иметь в виду его внутреннюю логику, механизм возникновения, мотивацию деятельности первопроходцев социологии и проч.; это феномен принципиально иной природы, чем возрождение. Второе рождение — это не научная программа, но, прежде всего, — социальное явление, особая проекция политической и нравственной атмосферы того времени на существовавшие тогда философско-идеологические представления молодых философов, экономистов, историков о советском обществе. То, что тогда делали и о чем спорили люди, не побоявшиеся называть себя социологами, не было похоже на возрождение русской социологии. Генезис произошедшего точно охарактеризовал Здравомыслов: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин» [7, с. 8].

Оставим в стороне тему мотивации, движителей деятельности первых социологов и посмотрим, были ли они в принципе готовы к возведению своей социологии на фундаменте (остатках фундамента) дореволюционной и ранней советской социологии. Знали ли они работы своих предшественников? В.А. Ядов при обсуждении периода, когда он и Здравомыслов изучали установки рабочих к труду, заметил: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане — отношение к труду... Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой» [11, с. 5-6].

Петербургский социолог А.В. Баранов, учившийся одновременно со Здравомысловым и Ядовым, так вспоминает то время: «Когда я поступал в Ленинградский университет, ни о каких социологиях речи быть не могло <...> на философском факультете, где я учился в период с 1948 по 1953 год, таких ругательств, как социология или социальная психология, вообще не употреблялось». И в другом месте: «От учебы на философском факультете <...> я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов» [12].

Социологи 1960-х в своей работе фактически не опирались на опыт своих предшественников. Трудно не согласиться с В.А. Ядовым, уже более десяти лет назад говорившим о неправомочности трактовки истории современной российской социологии как продолжения русской традиции; по его мнению, необходимо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет.

Есть еще один важный момент, указывающий на то, что ни полвека назад, ни десять-двадцатью годами позже, концепция «возрождения» как творческого обращения действующего социологического сообщества к наследию прошлого фактически не имела в советской социологии заметного организующего или хотя бы сигнального значения. Все поколения, вошедшие в социологическую науку после первой волны шестидесятников, однозначно признают своими учителями именно их. Никто не говорит об определяющем влиянии на их творчество Герцена или Михайловского, Сорокина или Бухарина. Более того, можно допустить, для большой группы советских

социологов, работавших в 1970–1980-е годы, ни дореволюционной, ни довоенной советской социологии как бы не существовало. В те годы основная масса социологов не имела специальной профессиональной подготовки, да и получавшие философское образование далеко не всегда изучали историю российской социологии.

Русскую дореволюционную и раннюю советскую социологию стали исследовать аспиранты, ученики тех, кто понимал научную значимость подобной тематики, но эти поиски не трактовались как элемент программы возрождения социологии. В первой половине 1960-х И.А. Голосенко по совету И.С. Кона начал изучать творчество Сорокина. В середине 1970-х, будучи аспирантом В.Э. Шляпентоха, Ф.Э. Шереги прорабатывал проблематику выборочного анализа и всесторонне проанализировал методический опыт советских социологов 1920-х годов. В конце 1980-х Л.А. Козлова под руководством Л. Г.Ионина исследовала этап 1920–1940-х годов.

Таким образом, познание прошлого постепенно становилось одной из задач советской / российской социологии, но, мне представляется, эти исследования, при всей их важности и необходимости их углубления, имеют преимущественно историко-научное и профессионально-этическое назначение. Их выводы не могут серьезно повлиять на методологию современных российских социологических исследований.

Вывод о вторичном рождении российской социологии требует уточнения, конкретизации и поиска новых аргументов в его защиту. Но вот мнения по этому поводу представителей трех поколений российской социологии.

Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» [13, с. 166].

Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер и обращала большее внимание на аналогичные исследования коллег за рубежом в этот период» [14, с. 166-167].

Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов» [15, с. 81-82].

Итак, социология, сложившаяся в СССР к середине 1980-х годов, была второй раз (вторично) родившейся советской / российской социологической наукой и по своей сути была абсолютно новым научным феноменом. Только перестройка и последующие глубинные социальные процессы, следствием которых стало возникновение новой России, дали импульс процессу возрождения. При этом те, кто стоял у истоков постоттепельских социологических

исследований, прежде всего, должны признаваться родителями современной российской социологии. И их вторая историческая роль — инициаторы ренессансных тенденций.

* * *

В 1968 г. Здравомыслов был в полтора раза старше меня, но за последние четыре десятилетия возрастное различие в чертову дюжину лет как-то скукожилось, и многое в понимании жизненных и профессиональных проблем стало схожим. Расстояние в одиннадцать часовых поясов, отделяющее Москву, в которой давно живет Здравомыслов, от северной части Калифорнии, где последние 14 лет живу я, не отдалило, а сблизило нас. Тихий океан размыл официальное и разделяющее «Вы», и на смену ему пришло дружеское и теплое «ты». Это обогащает общение, что мне крайне дорого.

И сейчас мне просто хочется сказать: Андрей, здоровья тебе и сил. И пусть социология еще долго остается твоим кредо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслов А.Г.* «Социология как жизненное кредо» [интервью Б. Докторов с А. Здравомысловым] // Социологический журнал. 2006. № 3. С. 111–148 [online]. Дата обращения 20.06.2008. URL: <<http://www.socjournal.ru/article/638>>.
2. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
3. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. (Россия на путях преодоления кризиса). Издание 2-е, доп. М.: Аспект-Пресс, 1995.
4. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.
5. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1999.
6. *Здравомыслов А.Г.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Редкол.: А.Г. Здравомыслов и др.; Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем и др. М.: РНИСиНП, 1998.
7. *Здравомыслов А.Г.* «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений» [интервью Б. Докторов с А. Здравомысловым] // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5 [online]. Дата обращения 20.06.2008. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202569699213322file.pdf>.
8. *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских. На пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН, 2003
9. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современной России: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 5–20².

² Статьи, описанные в пунктах 9-11, расположены на сайте проекта «Международная биографическая инициатива» (IBI) [online] соответственно по адресам: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/zdravomyslov_russiansoc.html>; <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/zdravomyslov_nationalsoc.html>; <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/yadov_2005.html>.

10. *Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 114–130.
11. *Ядов В.А.* «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 3. С. 2-11.
12. *Баранов А.В.* «А всё-таки она вертится» [интервью М. Алесиной с А. Барановым] *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2008. № 3 (в печати).
13. *Заславская Т.И.* «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» [интервью Б. Докторов с Т. Заславской] // *Социологический журнал*. 2007. № 3. С. 134-169.
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zaslavskaya_07.html>.
14. *Тощенко Ж.Т.* «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» [интервью Б. Докторов с Ж. Тощенко] // *Социологический журнал*. 2007. № 4. С. 148–170 [online]. Дата обращения 20.06.2008. URL: <<http://soc.rsuh.ru/article.html?id=67044>>.
15. *Шереги Ф.* «У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти». Интервью Франца Шереги Борису Докторову // *Социальная реальность*. 2007. № 9. С. 65-83 [online]. Дата обращения 20.06.2008. URL: <<http://socreal.fom.ru/files/sr0709-065-083.pdf>>.